

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

О реальности уголовно-правовой статистики о преступности

Б.Я. ГАВРИЛОВ – заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств

В статье рассматривается проблема реальности и достоверности уголовно-правовой статистики, ее влияние на криминальную обстановку и формирование уголовной политики, перечислены и проанализированы факторы, влияющие на регистрацию и учет преступлений, ее латентность; предлагаются пути решения проблемы учета преступлений.

Ключевые слова: уголовное право; уголовный процесс; криминология; уголовная политика; судебно-правовая статистика; уголовно-правовая статистика; регистрация преступлений; учет преступлений; учетно-регистрационная дисциплина; латентность преступлений.

Проблема обеспечения достоверности и доступности судебно-правовой статистики (последнее означает уголовно-правовую статистику) обозначена в Концепции судебной реформы в Российской Федерации¹ в числе основных задач совершенствования российского правосудия. При этом следует отметить, что вопрос о доступности уголовно-правовой статистики в определенной степени был решен путем снятия в 1988 г. со статистических данных грифа секретности. Однако достоверность (объективность) показателей статистики о преступности за прошедшие 20 лет не только была достигнута, но оказалась сегодня целиком в компетенции Генпрокуратуры и МВД России.

На данный момент абсолютному большинству ученых и практических работников правоохранительных органов понятно, что уголовно-правовая статистика из правовой и организационной превратилась в социальную проблему государства, ибо половина российских граждан, пострадавших от преступлений (не менее 3 млн), в милицию не обращаются, поскольку не верят, что преступника установят и примут меры по возмещению причиненного вреда². По 4,5 млн заявлений и сообщений о преступлениях в 2008 г. приняты процессуальные решения об отказе в возбуждении уголовного дела.

В этой связи и с учетом нарастания в России процессов демократических преобразований исследование проблемы уголовно-правовой статистики и ее влияния на изменение криминальной ситуации и формирование уголовной политики приобретает особую актуальность. Для объективности следует отметить, что в течение последнего десятилетия предпринимались попытки наведения порядка в регистрации и учете преступлений. Как следствие, уровень регистрации в органах внутренних дел заявлений и сообщений о преступлениях значительно повысился.

Таблица 1
Сведения о соотношении количества зарегистрированных заявлений (сообщений) о преступлениях и преступлений

	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Количество зарегистрированных заявлений о преступлениях (в тыс.)	13 700 ³	19 717	19 305	20 529	21 499

+/- к 2000 г. (в %)					+56,9
Количество зарегистрированных преступлений (в тыс.)	2952	3555	3853	3582	3240
+/- к 2000 г. (в %)					+9,8

Однако значительный прирост по сравнению с 2000 г. числа зарегистрированных сообщений о преступлениях (+56,9%) весьма незначительно отразился на количестве зарегистрированных преступлений (+9,8%).

На необходимость коренных преобразований в уголовно-правовой статистике указывают в числе других факторов и ее изменения за последние 30 лет.

Таблица 2
Сведения о количестве зарегистрированных преступлений в 1980–2009 гг.

	1980 г.	1991 г.	1999 г.	2006 г.	2009 г.
Количество преступлений (в тыс.)	1028	2168	3002	3853	2900

Наглядно видна тенденция увеличения числа зарегистрированных преступлений в течение трех предшествующих десятилетий в среднем на 1 млн за 10 лет. Однако за последнее десятилетие такого прироста преступности не произошло, хотя ее показатели за 2005–2006 гг. свидетельствуют о том, что рубеж в 4 млн зарегистрированных преступлений к концу десятилетия будет преодолен.

Помимо прочего в последние 25 лет зафиксированы значительные колебания криминальной ситуации в отдельные годы.

Таблица 3
Сведения о количественных изменениях преступности

Период	Всего зарегистрировано преступлений	+, – (в % к АППГ)	Министры внутренних дел (период)
1983 г.	1 398 239	+ 23,9	12.1982 – 01.1986 гг. – Федорчук В.В.
1986 г.	1 338 424	– 5,5	01.1986 – 10.1988 гг. – Власов А.В.
1987 г.	1 185 914	– 11,4	
1989 г.	1 619 181	+ 32,7	10.1988 – 12.1990 гг. – Бакатин В.В.
1990 г.	1 839 451	+ 13,6	
1991 г.	2 167 964	+ 17,9	12.1990 – 08.1991 гг. – Пуго Б.К. 09.1991 – 01.1992 гг. – Дунаев А.Ф.
1992 г.	2 760 652	+ 27,3	01.1992 – 07.1995 гг. – Ерин В.Ф.
1997 г.	2 397 311	– 8,7	07.1995 – 04.1998 гг. – Куликов А.С.
1998 г.	2 581 940	+ 7,7	04.1998 – 05.1999 гг. – Степашин С.В.
1999 г.	3 001 748	+ 16,3	05.1999 – 03.2001 гг. – Рушайло В.Б.
2005 г.	3 554 738	+ 22,8	03.2004 г. – по настоящее время – Нургалиев Р.Г.
2006 г.	3 853 373	+ 8,5	
2007 г.	3 582 541	– 7,1	
2008 г.	3 240 000	– 11,0	
2009 г.	около 2,9 млн	– 11,0	

Особенно значительны ежегодные колебания преступности за последние пять лет. Обоснованы ли столь значительные изменения показателей преступности? Безусловно, нет. Как отмечает В.В. Лунеев, в США в 1993–1997 гг. для сокращения преступности на 1–1,5% в год государство дополнительно выделило 30 млрд долларов. В Германии ежегодные колебания количества зарегистрированных преступлений не превышают 0,5–1,5%. Для сравнения: в России темпы снижения преступности в отдельные годы в 5–10 раз выше, однако государству они обходятся практически бесплатно.

Как можно судить из приведенных выше цифровых показателей преступности, уголовно-правовая статистика не только весьма существенно воздействует на криминальную обстановку в России, но и оказывает влияние на формиро-

вание уголовной политики, являясь одной из ее составляющих. Ее состояние Э.Ф. Побегайло назвал кризисом современной российской уголовной политики⁴. Достаточно наглядно это отражено в работе «Российская уголовная политика: преодоление кризиса»⁵.

Весьма необходимым в этом отношении представляется сравнение в количественном выражении регистрируемой преступности за последнее десятилетие в России: от 3 до 3,8 млн преступлений, в Германии – 6,5 млн, в США – 13–13,5 млн преступлений в год. Отсюда и коэффициент преступности на 100 тыс. населения, составляющий в России 2,5 тыс. преступлений, по-прежнему значительно ниже, чем, например, в Германии (8 тыс.), США (5,5 тыс.) и других странах. Но еще нагляднее эта разница обнаруживается в сравнении с коэффициентом

преступности в Швеции (13,5 тыс.), где каждое заявление о преступном деянии регистрируется как преступление⁶.

Особенно важны изменения показателей преступности в динамике. Приведу сведения о количестве зарегистрированных преступлений за 1976–2000 гг.

Таблица 4

Период	Всего зарегистрировано преступлений	+/- (в % к АППГ)	Смена руководства МВД	Некоторые из причин роста или снижения показателей преступности
1976 г.	834 998		10.1966 – 12.1982 гг. Щелоков Н.А.	Административные меры государства по наведению порядка в учетно-регистрационной системе
1977 г.	824 243	- 1,3		
1978 г.	889 599	+ 7,9		
1979 г.	970 514	+ 9,1		
1980 г.	1 028 284	+ 6,0		
1981 г.	1 087 908	+ 5,8		
1982 г.	1 128 558	+ 3,7		
1983 г.	1 398 239	+ 23,9	12.1982 – 01.1986 гг. Федорчук В.В.	Рост преступности в первый год и ее снижение в последующие годы
1984 г.	1 402 694	+ 0,3		
1985 г.	1 416 935	+ 1,0		
1986 г.	1 338 424	- 5,5	01.1986 – 10.1988 гг. Власов А.В.	Снижение преступности обусловлено активизацией борьбы с алкоголизмом
1987 г.	1 185 914	- 11,4		
1988 г.	1 220 361	+ 2,9		
1989 г.	1 619 181	+ 32,7	10.1988 – 12.1990 гг. Бакатин В.В.	Начало разрушения государственного механизма борьбы с преступностью
1990 г.	1 839 451	+ 13,6		
1991 г.	2 167 964	+ 17,9	12.1990 – 08.1991 гг. Пуго Б.К. 09.1991 – 01.1992 гг. Дунаев А.Ф.	
1992 г.	2 760 652	+ 27,3	01.1992 – 07.1995 гг. Ерин В.Ф.	Рост преступности в первый год и ее снижение в последующие годы
1993 г.	2 799 614	+ 1,4		
1994 г.	2 632 708	- 6,0	07.1995 – 04.1998 гг. Куликов А.С.	Тот же процесс
1995 г.	2 755 669	+ 4,7		
1996 г.	2 625 081	- 4,7		
1997 г.	2 397 311	- 8,7	04.1998 – 05.1999 гг. Степашин С.В.	Тот же процесс
1998 г.	2 581 940	+ 7,7		
1999 г.	3 001 748	+ 16,3	05.1999 – 03.2001 гг. Рушайло В.Б.	Тот же процесс
2000 г.	2 952 367	- 1,6		

Приведенные статистические данные позволяют сделать вывод о непосредственном влиянии все эти годы на регистрацию и учет преступлений административного фактора. Суть заключается в том, что в деятельности органов внутренних дел на протяжении последних десятилетий укоренилась, за редким исключением, практика, состоящая в том, что в первый год после назначения руководителя органа внутренних дел (от городского, районного отдела милиции до Министерства внутренних дел включительно) количество зарегистрированных преступлений увеличивалось. Тем самым выполнялись требования органов государственной власти, а также вышестоящих правоохранительных органов о наведении так называемого «порядка» в регистрации заявлений и сообщений о преступлениях. Однако уже на следующий год отмечалось сокращение показателя количества регистрируемых преступлений, на основании чего руководители правоохранительных органов отчитывались

о своих успехах своей «успешной» работы по борьбе с преступностью.

Однако после 2000 г. административным путем обеспечить статистический прирост преступлений даже на краткосрочный период времени оказалось весьма затруднительным. Так, несмотря на принятые МВД и Генпрокуратурой России в 2001–2003 гг. меры по ужесточению ответственности за состояние учетно-регистрационной дисциплины, в том числе персонально руководителей МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации⁷, количество зарегистрированных преступлений в 2001 г. после назначения на должность министра Б.В. Грызлова возросло всего на 0,5% (в предыдущие годы рост показателя преступности в год назначения нового министра был многократно выше).

Увеличение в 2004 г. на 5% по сравнению с АППГ числа зарегистрированных преступлений имело место за счет прироста краж чужого имущества, что в свою очередь явилось следствием

их необоснованной декриминализации в предшествующий период, о чем будет сказано ниже.

Приведу сведения о зарегистрированных преступлениях в 2001–2004 гг.

Таблица 5

Период	Количество зарегистрированных преступлений	+/- (в % к АППГ)	Министры внутренних дел	Количественное изменение показателей роста преступности
2001 г.	2 968 255	+ 0,5	03.2001 – 2003 гг. Грызлов Б.В.	Декриминализация 350 тыс. краж (в период с 1 июля по 4 ноября)
2002 г.	2 526 305	- 14,9		
2003 г.	2 756 398	+ 9,1		
2004 г.	2 893 810	+ 5,0	03.2004 г. – по настоящее время Нургалиев Р.Г.	Криминализация более 200 тыс. краж

Значительный рост в 2005 (+22,8%) и 2006 (+8,5%) гг. количества зарегистрированных преступлений обусловлен очередным ужесточением Приказом Генпрокуратуры и МВД России от 16 мая 2005 г. № 18/350 требований к соблюдению учетно-регистрационной дисциплины. Однако уже с июня 2006 г. прирост количества зарегистрированных преступлений значительно сократился, а во втором полугодии и в 2007–2008 гг. преступлений ежемесячно регистрировалось значительно меньше, чем за АППГ. Сохраняется эта тенденция и в 2009 г.

Таблица 6

Сведения о зарегистрированных преступлениях в 2005–2008 гг.

Период	Количество зарегистрированных преступлений	+/- (в % к АППГ)	Министры внутренних дел	Количественное изменение показателей роста преступности
2005 г.	3 554 738	+ 22,8	03.2004 г. – по настоящее время Нургалиев Р.Г.	Ужесточение учетно-регистрационной дисциплины
2006 г.	3 853 373	+ 8,5		Тот же процесс
2007 г.	3 582 541	- 7,1		Снижение преступности после ее роста
2008 г.	3 240 000	- 11,0		Тот же процесс

О латентности преступлений. Основной причиной действия административного фактора и значительно более низкого по сравнению с иными государствами уровня преступности является ее латентность⁸. Особенно наглядно в России она проявляется при сопоставлении и анализе статистических сведений о мошенничествах и кражах.

Согласно статистическим данным по форме 1–Г в России ежегодно в течение последних шести лет регистрировалось от 69,3 тыс. (в 2002 г.) до 179,6 тыс. (в 2005 г.) мошенничеств, в то время как в 2002 г. в Германии официальная статистика таких деяний зафиксировала 926,9 тыс., во Франции – 352,3 тыс.

Рассмотрим также соотношение краж чужого имущества. В 1995–2008 гг. их в России ежегодно регистрировалось 1,1–1,5 млн, в то время как в США общее число таких преступлений ежегодно составляет 11–11,5 млн, в Англии, Германии – 4,5 млн, Италии – 1,5 млн.

Об органах регистрации и учета преступлений. Сегодня достаточно распространенным является мнение о том, что условия для умышленного сокрытия преступлений от регистрации создает сосредоточение в органах внутренних дел функций как по борьбе с преступностью, так и по формированию статистики о результатах деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений⁹. Исходя из этого полномочия по формированию и ведению массива статистических данных о состоянии преступности Генеральной прокуратурой Российской Федерации предлагалось передать органам статистики¹⁰.

Однако проведенный в соответствии с Приказом МВД и Госкомстата России от 7 октября 2003 г. № 774/435 по согласованию с Генпрокуратурой России эксперимент в ряде МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации свидетельствует, что это предложение не только принципиально не решает рассматриваемой проблемы, но и требует значительных финансовых затрат¹¹.

Существенный дисбаланс в формировании уголовно-правовой статистики о преступности периодически вносит и законодатель. Так, вступившим в действие с 1 июля 2002 г. Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях определено понятие мелкого хищения как правонарушения при стоимости похищенного имущества до пяти минимальных размеров оплаты труда (МРОТ), установленных Правительством Российской Федерации, в том числе при совершении краж с квалифицирующими признаками.

В результате за период с 1 июля по 4 ноября 2002 г. было необоснованно декриминализовано 350 тыс. краж чужого имущества, что повлекло многочисленные нарушения прав граждан. И только Федеральным законом от 31 октября 2002 г. № 133-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс

Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»¹² данная ошибка законодателя была исправлена путем установления уголовной ответственности за все виды квалифицированных краж вне зависимости от размера причиненного ущерба, а также за кражи без квалифицирующих признаков при размере причиненного ущерба свыше одного МРОТ. Это соответственно повлекло рост в 2003–2004 гг. числа зарегистрированных краж, что в свою очередь дало основание профессору Д.А. Корецкому в публикации «Идеологические проблемы борьбы с преступностью» публично заявить об отсутствии адекватности со стороны государства в противодействии преступности в неблагоприятных условиях, констатируя увеличение в 2003 г. количества зарегистрированных краж за год на 9,1% (или на 230 тыс.)¹³.

Иного рода ошибка допущена законодателем в Федеральном законе от 22 июня 2007 г. № 116-ФЗ, которым фактически были криминализованы кражи чужого имущества с размером похищенного свыше 100 руб. при размере одного МРОТ на тот период 1100 руб. И только Федеральным законом от 16 мая 2008 г. № 74-ФЗ «О внесении изменений в ст. 3.5, 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» размер мелкого хищения был ограничен суммой до 1 тыс. руб.

Пути решения проблемы регистрации и учета преступлений. Изложенное позволяет нам утверждать, что одна из основных причин столь негативного положения в системе государственной регистрации преступлений и высочайшей латентности российской преступности заключается в том, что порядок учета, регламентируемый сегодня Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений 2005 г., повторяет основные положения Инструкции 1964 г. и базируется на принципах, которые были сформированы 40 лет назад и не отвечают потребностям сегодняшнего дня.

Не удалось даже законодательным путем изменить негативную ситуацию, связанную с возможностью принятия следователем, дознавателем, органом дознания незаконных или необоснованных процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела. Так, при подготовке проекта УПК РФ ко второму чтению по инициативе автора в ч. 1 ст. 148 было внесено положение о том, что «отказ в возбуждении уголовного дела по основанию, предусмотренному пунктом 2 части первой статьи 24 УПК РФ, допускается лишь в отношении конкретного лица». Однако ни с помощью ведомственного (МВД России) контроля, ни прокурорского надзора не удалось пресечь указанные факты нарушений (в форме необоснованного отказа в возбуждении уголовного дела в отсутствие подозреваемого лица) конституционных прав граждан, пострадавших от противоправных деяний, на их доступ к правосудию.

В означенных выше условиях, полагаем, существуют три взаимодополняющих друг друга варианта решения проблемы учета преступлений.

Первый из них заключается в необходимости законодательного установления единицы учета преступлений в уголовно-правовой статистике, что нами предлагается с 1999 г.¹⁴ С правовой точки зрения эта потребность обусловлена тем, что в настоящее время отождествляются понятия преступления в его уголовно-правовом значении, когда оно выступает юридическим основанием для привлечения лица к уголовной ответственности, и преступления как единицы статистического учета. Это приводит к заведомому искажению показателей состояния преступности. Например, совершение умышленного убийства лицом, не достигшим 14-летнего возраста, в число регистрируемых статистикой преступлений не включается.

В целях апробации наших предложений по введению единицы статистического учета уголовно наказуемых деяний (преступлений) в соответствии с Приказом МВД России от 18 июня 2002 г. № 585 «О проведении эксперимента по совершенствованию учета преступлений» во втором полугодии 2002 г. на базе ГУВД Нижегородской, УВД Орловской и Смоленской областей был проведен эксперимент. Его результаты свидетельствуют об увеличении в два раза по сравнению со среднероссийскими темпами прироста числа зарегистрированных заявлений о преступлениях при одновременном снижении количества и удельного веса (на величину от 18% до 53%) отмененных прокурорами процессуальных решений органов дознания об отказе в возбуждении уголовного дела.

К сожалению, наши предложения о введении понятия «преступления» в уголовно-правовую статистику не нашли своего отражения в проекте федерального закона «О государственной системе регистрации и учета преступлений», подготовленных в 1999, 2001 гг. Генпрокуратурой России в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 30 марта 1998 г. № 328 «О разработке единой государственной системы регистрации и учета преступлений»¹⁵.

Второй вариант решения указанной проблемы заключается в устранении юридического препятствия для учета значительной части противоправных деяний в качестве преступлений. Таковым является наличие в УПК РФ правовой нормы о возбуждении уголовного дела. В результате если следователем, дознавателем, органом дознания принято процессуальное решение о возбуждении уголовного дела, то противоправное деяние ставится на учет как преступление. В случае же принятия указанными лицами процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела противоправное деяние в статистику преступности не попадает.

Следует отметить, что указанной процессуальной нормы не знали ни Устав уголовного судопроизводства 1864 г., ни УПК РСФСР 1922,

1923 г. Она была введена циркуляром Прокуратуры СССР от 5 июня 1937 г. № 41/26, пункт второй которого устанавливал, что «возбуждение уголовного дела и начало расследования могут иметь место лишь по мотивированному постановлению соответствующего следственного органа, утвержденному прокурором».

Это повлекло существенное изменение ситуации с количеством зарегистрированных преступлений, что подтверждается имеющимися в ГИАЦ МВД России отдельными статистическими сведениями.

Тем самым негативные последствия действия данной уголовно-процессуальной нормы заключаются в том, что в уголовно-правовую статистику преступное деяние попадает исключительно после возбуждения уголовного дела, чего мировая юридическая наука и практика не знают.

Процессуальная норма о возбуждении уголовного дела неизвестна странам как с романо-германской, так и с англосаксонской системами правосудия. Полнота регистрации и учета преступлений в странах Западной Европы, США, Японии и других обеспечивается за счет того, что заявления о противоправных деяниях, не представляющих большой общественной опасности, после регистрации полицией ставятся на учет как преступления, а затем передаются сотрудникам для принятия мер по установлению виновного.

Так, в США более чем по 4 млн, или 40%, краж ущерб составляет менее 50 долларов, что исходя из суммы пособия по безработице соответствует по российскому законодательству мелкому хищению чужого имущества. Все они регистрируются как «индексные» преступления, но полиция расследование по ним в полном объеме не проводит (аналогично и в Германии, где размер мелкой кражи, регистрируемой как преступление, составляет 50 евро). По УПК РФ эта процедура соответствует отказу в возбуждении уголовного дела, и соответственно мелкие кражи как преступления, в отличие от США и абсолютного большинства других государств мира, в России не учитываются.

Полицейское расследование, как правило, начинается после установления подозреваемого или в случае совершения серьезного преступного деяния, что аналогично возбуждению уголовного дела по российскому уголовно-процессуальному законодательству.

Отсюда следует вывод, поддерживаемый рядом ученых (С.Е. Вицин, А.И. Трусов и др.), о том, что процессуальная норма о возбуждении уголовного дела из УПК должна быть исключена, а достаточным основанием для начала расследования уголовного дела (началом по нему производства) должно являться заявление, сообщение о преступлении, как это предусматривалось ст. 303 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.: «жалобы почитаются достаточным поводом к начатию следствия. Ни судебный следователь, ни прокурор не могут отказать в этом лицу,

потерпевшему от преступления или проступка».

Существует и третий вариант решения проблемы учета преступлений в уголовно-правовой статистике, заключающийся в издании совместного (Генеральной прокуратурой, МВД, ФСБ, Минюстом, ФСКН и Федеральной таможенной службой Российской Федерации) нормативного правового акта о введении единицы учета преступлений в уголовно-правовую статистику.

При изменении принципа учета количество зарегистрированных криминальных деяний в России в 1999–2007 гг. составило бы не 3–3,8 млн и даже не 5 млн (цифру эту называл видный российский ученый-криминолог В.В. Лунеев еще десятилетие назад¹⁶), а порядка 7–8 млн. Уже через четыре-пять лет число регистрируемых статистикой преступлений достигло бы 10 млн, что вполне сопоставимо с числом деликтов, регистрируемых в других странах.

Реализация проекта позволила бы обеспечить единство подходов к формированию статистического массива данных о состоянии преступности и повысить эффективность решений, принимаемых государством в данной сфере деятельности, что невозможно сделать без должного материально-технического и организационно-штатного обеспечения деятельности правоохранительных органов и судов.

Это также способствовало бы сокращению числа оснований для сокрытия сотрудниками органов внутренних дел преступлений от учета, который в этом случае будет начинаться с момента фактической регистрации в дежурной части заявления или сообщения о преступлении.

Одновременно при возбуждении уголовного дела из отказного материала не будет оснований для утверждения, что преступление скрыто от учета, поскольку оно на момент принятия процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела уже учтено государственной статистикой как преступление. Да и начальники органов внутренних дел не смогут манипулировать статистикой, относя такие деяния, когда лицо установлено, к преступлениям или отказывая в возбуждении дела, когда подозреваемый не известен.

Введение в уголовно-правовую статистику единицы учета преступлений, являясь первоначальным этапом решения проблемы регистрации и учета преступлений, позволило бы:

– обеспечить большую гарантированность со стороны государства конституционного права граждан на доступ к правосудию. Соответственно повысился бы и уровень доверия граждан и самих правоохранительных органов к статистике о состоянии преступности;

– установить действительный объем работы правоохранительных органов. Его возрастание в 2–3 раза в условиях ограниченного финансирования органов внутренних дел побудит законодателя принять радикальные меры к упрощению процедуры расследования уголовных дел и судебного разбирательства;

– наблюдая за изменениями преступности, своевременно принимать адекватные меры реагирования для удержания ее на социально терпимом уровне.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

² См.: Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты: Монография. М., 2008. С. 25.

³ Показатель рассчитан экспертным путем исходя из количества зарегистрированных заявлений, сообщений о преступлениях по форме 2-Е, журналу учета информации и др.

⁴ См.: Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 4. С. 112–117.

⁵ См.: Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006.

⁶ Из выступления О.Н. Ведерниковой на IV Всероссийском конгрессе уголовного права (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 28–29 мая 2009 г.).

⁷ Распоряжение МВД России от 10 августа 2001 г. № 1/14559 «О мерах по обеспечению полноты учета и регистрации преступлений», Приказ МВД России от 8 ноября 2001 г. № 979 «О неудовлетворительном исполнении требований МВД России по совершенствованию контроля за состоянием учетно-регистрационной дисциплины» и Приказ МВД России от 5 ноября 2003 г. № 864 «О серьезных недостатках в деятельности органов внутренних дел по укреплению учетно-регистрационной дисциплины и законности при

приеме, проверке и разрешении сообщений о преступлениях»; совместный приказ МВД России и Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 28 ноября 2001 г. № 1058/72 «О мерах по укреплению законности в деятельности органов внутренних дел при регистрации и учете преступлений».

⁸ См. подр.: Гаврилов Б.Я. Латентная преступность: понятие, структура, факторы латентности и меры по обеспечению достоверности уголовной статистики: Моногр. М., 2007.

⁹ См.: Скоморохов Р.В., Шиханов В.Н. Уголовная статистика: обеспечение достоверности. М., 2006 С. 54–55; Исаев З.М. Проблемы искусственно-латентной преступности: Дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2002. С. 132; Скоромников К.С. Существующая система учета преступлений и раскрытия их нуждается в кардинальной реформе // Государство и право. 2000. № 1. С. 108–110 и др.

¹⁰ См.: Письмо Генерального прокурора Российской Федерации В.В. Устинова от 17 июня 2002 г. № 1-ГП-19-2002 «О мерах по обеспечению достоверности показателей состояния преступности и результатов борьбы с правонарушителями».

¹¹ См.: Письмо министра внутренних дел Российской Федерации Б.В. Грызлова Генеральному прокурору Российской Федерации В.В. Устинову (исх. № 1/4052 от 16.06.2004 г.).

¹² См.: СЗ РФ. 2002. № 44. Ст. 4298.

¹³ См.: Законность. 2004. № 5. С. 2–6.

¹⁴ См.: Гаврилов Б.Я. О реальности российской уголовной статистики // Законность. 1999. № 6; Он же. Способна ли российская статистика о преступности быть реальной // Государство и право. 2001. № 1 и др.

¹⁵ СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1544.

¹⁶ См., напр.: Лунеев В.В. Контроль над преступностью: надежны ли показатели? // Государство и право. 1995. № 7. С. 89–102; Он же. Тенденции преступности: мировые, региональные, российские // Там же. 1993. № 5. С. 3–19.

Конфискация имущества:

ТОЛКОВАНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ

■ **Ю.Е. ПУДОВОЧКИН** – профессор кафедры уголовного права Российской академии правосудия, доктор юридических наук, профессор

В статье рассматривается проблема законодательной регламентации и применения конфискации имущества как меры уголовно-правового характера.

Ключевые слова: уголовное право; уголовное наказание; уголовная ответственность; иные меры уголовно-правового характера; конфискация имущества; возмещение вреда, причиненного преступлением.

Конфискация имущества в первоначальной редакции УК РФ рассматривалась в качестве дополнительного наказания, представлявшего собой принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства всего или части имущества, являющегося собственностью осужденного. Она устанавливалась за тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные из корыстных побуждений, и могла быть назначена судом только в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК (ст. 52 УК РФ). Практика применения данного вида наказания показывала, что оно в период,

предшествовавший его отмене (1999–2002 гг.), применялось в среднем к 2% осужденных. При этом в уголовно-правовой науке превалировало мнение о достаточно высокой эффективности этого наказания в деле предупреждения корыстной преступности.

В 2003 г. законодатель исключил положения о конфискации имущества из УК РФ. Вместе с тем отсутствие конфискации в уголовном законодательстве не означало полного забвения этой меры. В период 2003–2006 гг. сохраняли свою силу предписания ст. 81 УПК РФ, согласно которым при вынесении приговора, а также опре-